

УДК 316.34

DOI 10.23683/2227-8656.2017.3.19

НОВЫЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ РОССИЯН

NEW COLLECTIVISM IN SOCIAL POSITIONING OF RUSSIANS

Грищенко Михаил Александрович

Директор колледжа Ростовского института
защиты предпринимателя,
г. Волгодонск,
e-mail: mihail_ag@mail.ru

Mikhail A. Grishchenko

Principal, Rostov Institute
of the Protection of the Entrepreneurs,
Volgodonsk,
e-mail: mihail_ag@mail.ru

В представленной статье анализируется феномен нового коллективизма, который проявляется в социальном позиционировании россиян как запрос на совместные практики, ориентированные на самореализацию и социальную полезность. На основе обширного социологического материала автор статьи делает вывод о том, что активные слои российского общества переходят от позиции «из эгоистического, безответственного индивидуализма», характерного для социально-анархических установок в массовом сознании 90-х гг. XX в., к модели социальной ответственности, включающей достижение общего блага на основе баланса общесоциальных, групповых и личностных интересов. Как полагает автор статьи, новый коллективизм вносит вклад в социальную интеграцию российского общества, повышает готовность к адекватному восприятию внутренних и внешних рисков и расширяет коридор возможностей для новых социально-профессиональных слоев и групп в реализации жизненных стратегий.

The article analyses the phenomenon of new collectivism which is manifested in social positioning of Russians as the request for the joint practices focused on self-realization and social utility. On the basis of extensive sociological material, the author of the article concludes that active social class of Russian society is moving from the position of "selfish, irresponsible individualism", typical for socially anarchic attitudes in the mass consciousness in the 1990s, to a model of social responsibility, including the achievement of common benefits based on the balance of general, group and personal interests. The author of the article suggests that new collectivism contributes to the social integration of Russian society, raises readiness for an adequate perception of internal and external risks and expands the corridor of opportunities for new social and professional classes and groups in personal fulfillment.

Ключевые слова: социальная солидарность, индивидуалистические и коллективистские ценности, новый коллективизм, жизненные стратегии, социальное позиционирование.

Keywords: social solidarity, individualistic and collectivist values, new collectivism, life strategies, social positioning.

Введение

В социальных настроениях россиян формируется запрос на социальную солидарность, на готовность к совместным действиям ради общих целей, волонтерскую активность, группы гражданской инициативы, самоорганизацию на локальном уровне. Это свидетельствует о том, что общество преодолевает стадию социальной атомизации, но тенденция саморегулирования и самоорганизации развивается неоднозначно, переживает то спады, то подъемы. Сложившаяся ситуация требует пристального социологического анализа, так как от динамики общественных настроений зависят стабильность социального порядка, отношения между обществом и государством и, самое важное, реализация жизненных стратегий россиян.

Российские социологи (М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, В.В. Петухов, Л.Д. Бызов, И.А. Халий) отмечают, что потенциалы общественной активности россиян не являются инвариантной величиной, что в нынешней обстановке сосуществуют дезинтеграционные и интеграционные влияния. Можно говорить о том, что мы имеем дело не просто с противоречиями в социальных настроениях, но с тем, что наблюдается конфликт индивидуалистических и коллективистских ценностей. В связи с представлениями россиян о том, каким должно быть российское общество, в каком направлении оно должно развиваться, есть проблема в том, что доминирующая неоэтакратическая ценностная нормативная модель, хотя и обеспечивает устойчивость общественной жизни, не влияет на рост солидарной активности на межличностном и межгрупповом уровнях. Все это говорит о том, что процесс ценностной идентификации россиян, их отношения к базовым принципам взаимодействия общества, личности, государства еще не завершены [1, с. 77; 12, с. 62–101].

В рамках актуальности исследования ценностных ориентаций россиян в движении к ценностному консенсусу важно определить значимость нового коллективизма, который проявляется в синтезе инструментальных и фундаментальных ценностей, в том, что в массовых настроениях фиксируется сдвиг к преодолению эгоистического индивидуализма, к осознанию того, что реализация жизненных целей осложняется вне движения ценности общего блага. Очевидно, что,

столкнувшись с внутренними и внешними вызовами, российское общество ориентируется не только на модель негативной мобилизации, на солидаризм в экстремальных условиях, но и нуждается в новом коллективизме, способном смягчить последствия избыточных социальных неравенств, привить обществу иммунитет к политическому радикализму и подвергнуть маргинализации социальную и этнонациональную дискриминацию [2].

Индивидуалистические и коллективистские ценностные ориентации россиян

Трактовка нового коллективизма как ценностного синтеза означает, что в обществе постепенно преодолевается раскол между традиционалистами и достиженцами. Выдвинутое положение нуждается в эмпирической идентификации, так как возникает дискуссия по поводу того, какие социальные группы и слои, будучи включенными в социальные процессы, воспроизводят новый коллективизм в качестве канала связи и языка общения. Если сформулированные относительно синкретности нового коллективизма положения признать достоверными, то следует считать крайне ограниченной классификацию ценностных ориентаций россиян по критерию традиционная / достиженческая, фундаментальная / инструментальная. Справедливости ради надо отметить, что ценностная бинарность не утрачивает своей актуальности в условиях конфликта ценностей, но в новом коллективизме обретает иной, неразделительный смысл. Сдвиги в ценностных ориентациях россиян проявляются в различных аспектах: в отношении к государству, социальной самооценке, к российской истории, к гражданству и патриотизму. Характерно, что в целом, избавившись от социальной ностальгии, от мечтаний о возвращении к советскому прошлому, в обществе не утратили значение, а наоборот, приобрели большую популярность идеи социальной справедливости и социальной разумности [3, с. 44].

Исходя из мнения представителей разных поколений о том, какие уроки должна извлечь Россия из исторического опыта XX в., обнаруживается, что приоритетными являются индивидуализм, который основывается на том, что в стране должны быть созданы условия для тех, кто хочет работать и зарабатывать (34 %), и традиционализм, ставящий условием процветания страны сильную личность, хозяина во главе государства [13, с. 264–265; 14, с. 269–282]. Вместе с тем при сопоставлении позиций возникает отчетливое ощущение того, что, несмотря на внешние противоречия, есть консолидирующая тенденция. Патернализм в общественной жизни часто воспринимается позитив-

ным, как антитеза анархизму 90-х гг. XX в. Однако в нынешней ситуации недостаточно рассматривать ценностные ориентации россиян исключительно по отношению к государству в условиях, когда возрастает значимость ее личностных ресурсов, самостоятельность в выборе жизненных стратегий, формирование сетевых структур. И подтверждением этому служит отношение россиян к историческому опыту, который показывает, что в целом в массовом сознании и массовых оценках наибольшее влияние оказывают личные наблюдения, личный социальный опыт [4, с. 148].

Понятно, что в условиях кризисных процессов массовое сознание испытывает большие затруднения относительно определения личных перспектив, что, считая идею возрождения России как великой державы (42 %) [4, с. 149], массовое настроение фиксирует сложности в определении жизненных шансов, в преодолении рисков потери работы, заработка, доступа к качественным образовательным ресурсам, получения квалифицированной медицинской помощи. Иными словами, оставаясь в целом государственниками и в этом смысле традиционалистами, 59 % россиян осознают, что страну ждут трудные времена [5, с. 16]. В итоге, с одной стороны, действует исторический оптимизм, вера в стабильное будущее России, с другой – отмечается кризис моделей жизненных стратегий. Большинство россиян (44 %) демонстрируют спокойствие, уравновешенность [5, с. 21], но одновременно сокращается личная зона социальной комфортности, зазор между восприятием общества в целом и личными чувствами и оценками.

Проявление индивидуализма и коллективизма в российском обществе

Оценка россиянами собственной жизни демонстрирует определенную связь с их материальным положением в целом. Тот факт, что позиционируется надежда на то, что в состоянии преодолеть возникшие трудности, свидетельствует о сохранении опоры на индивидуальные усилия, на индивидуальные ресурсы, причем это касается не только ближайших, но и среднесрочных перспектив. В российском обществе утвердилось правило «разведения» государственной и личной (приватной) жизни. 48 % россиян подчеркивают, что они могут обеспечить себя и свою семью и не нуждаются в поддержке государства. Так же 58 % респондентов придерживаются при отстаивании своих интересов и прав активной позиции [6, с. 107]. Это – принципиально важный момент, связанный с тем, что социальное позиционирование предполагает не столько дистанцирование от государства, сколько включение механизмов соотношения личных интересов с общими на

уровне реализации прав и свобод. Таким образом, можно говорить о том, что индивидуализм перерастает свои границы в ориентации на включение в общественный контекст, в осознание того, что, признавая ценность индивидуализма в собственной жизни, нельзя игнорировать права и интересы других и соотносить свои усилия с общим состоянием социальной комфортности.

Поиск коллективных форм самоопределения ассоциируется с сохранением автономии личности, с одной стороны, и с инициативой, предприимчивостью, поиском нового (57 %) – с другой. Отрицая пассивность, зависимость от поддержки со стороны государства, сторонники нового коллективизма исходят из того, что необходимо приспособить реальность к себе. Динамика развития ценностно-мировоззренческих установок подтверждает, что в обществе резко уменьшилось число зависимых [6, с. 107]. Склонность к новому коллективизму проявляется в том, что при оценке жизненных приоритетов акцент делается не только на личной, но и коллективной активности.

Заметный сдвиг в социальном позиционировании россиян связан с тем, что в нынешних условиях не действует модель анархического поведения 90-х гг., что для реализации жизненных стратегий недостаточно соблюдать консенсус взаимного нейтралитета государства и общества. В связи с этим немаловажно понимать, что индивидуалистические ценности, которые составляют модель «опоры на себя», не могут работать безупречно в условиях усиления конкуренции за личностные ресурсы [7, с. 58–63].

Анализ социологических данных позволяет утверждать, что для россиян неприемлема ситуация жесткой борьбы за жизненные блага, и вместе с тем собственное благополучие остается доминантой общественных настроений. В такой ситуации действует принцип отстраненности от общественных дел и одновременно ощущается потребность в социальной эмпатии, в социальной поддержке. Как отмечается, для общества недостаточен диалог с властью, необходимо наладить межличностные, межгрупповые коммуникации. Исследуя настроения самодостаточных россиян, тех, кто позиционирует уверенность в своих силах, можно говорить о том, что для них жить вне поддержки государства – это не хорошо и не плохо, а необходимо. Такой дискурс предполагает, что 72 % самодостаточных россиян нацелены на ответственность за собственные успехи и неудачи [5, с. 329], им нравятся перемены в общественной жизни, но только в той сфере, в какой это расширяет их жизненные возможности. В этом смысле самодостаточные россияне образуют группу нового коллективизма, который не

воспроизводит риторику социальной жертвенности, но связан с пониманием ценности коллективного действия, с одобрением изменений, способных усилить социальное доверие в обществе.

В настоящее время в палитре взглядов на соотношение коллективизма и индивидуализма вопрос состоит не в выборе между личными и общезначимыми целями, а в том, чтобы разумно ограничивать личные интересы ради страны и общества [5, с. 330]. Заявляя о сохранении личных приоритетов, самодостаточные россияне, которые являются группой, обладающей высоким социально-профессиональным статусом, и включают 44 % респондентов, способны освоить пространство нового коллективизма через практики совместного участия, через активизацию сетевых структур и добровольческих ассоциаций. Одновременно 43 % заявляют, что хотели бы быть полезными государству и обществу, но при этом сохраняя личное благополучие [5, с. 332]. Примечательно, что, не идеализируя коллективизм самодостаточных россиян, можно говорить о том, что 65 % склонны признавать ценность свободы [5, с. 333]. Это обстоятельство указывает на неприемлемость коллективизма как инструмента подчинения, ограничения личности.

Характерные черты и перспектива нового коллективизма в российском обществе

Сложность в восприятии и оценке нового коллективизма состоит в том, что на уровне личного опыта коллективизм может соотноситься с негативом, с утратой сферы независимости свободы и самореализации, и включение условий для добровольной ассоциированности много значит для самодостаточных россиян. Весьма интересная картина выявляется в том, что и в позициях традиционалистов высоко оценивается свобода. Это является перспективным моментом для того, чтобы надеяться на интегрирующую роль нового коллективизма в российском обществе. По мнению россиян, есть запрос и на сильное государство, власть закона, и на консолидированное общество не только перед внешними, но и внутренними вызовами.

Хотя до сих пор только 27 % россиян говорят об ответственности за судьбу страны как общей ценности [5, с. 200], важным обстоятельством можно считать не только позитивную динамику по сравнению с 90-ми гг. XX в., но и понимание ответственности за свою судьбу как то, что укрепляет ответственность за страну. Иными словами, если состояние граждан будет благополучным, благополучной будет и ситуация в стране.

Стоит отметить также, что в движении к новому коллективизму, характеризующему синтез индивидуализма и коммунитарности, рос-

сияне испытывают последствия социальной напряженности, полагают, что новый коллективизм может развиваться в условиях смягчения социальных неравенств, что общество выигрывает, если обеспечиваются не только минимальные меры поддержки бедных, но и стимулируется средний класс – те, кто составляет ядро самодостаточных россиян, носители нового коллективизма.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об интегративном эффекте нового коллективизма, о влиянии на позитивное ценностное сознание россиян. Еще в 90-е гг. Н.И. Лапин отмечал тенденцию либерализации структур базовых ценностей [8, с. 675]. Сейчас можно с определенным основанием подтвердить, что речь идет не о либерализации ценностного пространства российского общества, а о динамике сближения терминальных (традиционных) и инструментальных (либеральных) ценностей. Речь также идет о том, что в понимании порядка, законности, свободы, позиции россиян обнаруживаются единодушие. В этом отношении перспектива нового коллективизма как социокультурного типа выражается в приверженности идее справедливого социального порядка. Кроме того, социальные настроения российского общества фиксируют безальтернативность развития духовно-нравственной сферы, которая имеет значение для миссии милосердия и благотворительности (38 %), сохранения культурного наследия (24 %) [9, с. 194].

Важно подчеркнуть, что новый коллективизм не противоречит, не вносит раскол между верующими и неверующими в российском обществе, что, принимая во внимание позицию 48 % россиян, которые связывают надежды на улучшение в духовно-нравственной сфере с религиозными организациями [9, с. 194], можно говорить о новом коллективизме как связующем типе отношений между представителями различных вероисповеданий и религиозно-индифферентными людьми. Во всяком случае уже сейчас интерес к социальному участию как практической реализации нового коллективизма выражен довольно определенно среди и верующих, и неверующих. В том, что сужено пространство публичной политики, новый коллективизм актуализируется в социальной сфере, затрагивает непосредственные интересы россиян, распространяясь и на ассоциации по месту жительства, и объединения по интересам. Значительная часть сторонников нового коллективизма позиционируют возможность диалога с государством на условиях консенсуса по основным проблемам общественной жизни. Когда даже выходцы из относительно благополучных семей сталкиваются с целым рядом проблем и угроз, уверенность в том, что в жизни можно добиться определенных целей, опираясь только на собственные

способности, коррелируется, связывается с социальной поддержкой и вниманием со стороны государственных структур.

Новому коллективизму присуща аморфность, неопределенность в формировании устойчивых ценностных ориентаций. Между тем еще в начале 2000-х гг. российские ученые, исследуя социокультурные типы (традиционалисты, анархисты, либералы), отмечали, что адаптивность к новой экономической и социальной реальности основывается на принятии в той или иной мере универсальных ценностей [10, с. 62]. Очевидно, что российское общество перестает быть традиционалистским и стало обществом либеральных ценностей. Анархистские установки показывают конъюнктурный временный характер. Для того чтобы двигаться по пути реализации жизненных перспектив, необходимо поддерживать достаточный уровень социального доверия и сплоченности в обществе.

В иерархии нового коллективизма ядерными ценностями можно считать доверие, благополучие, свободу. Если с ценностной точки зрения современное российское общество испытало влияние модерна, то на уровне институциональных параметров, особенно в неформальной сфере, присутствует архаичность. Можно предположить, что уход общества в «изобретение традиции» связан с отрицательными эффектами модернизации, с тем, что либеральные ценности, обнаруживая приверженность идеям конкуренции и борьбы, в условиях кризиса приводят к нарастанию конфликтного потенциала в обществе [11, с. 183–189].

Выводы

Происходящая в России неоконсервативная революция в реальности означает переосмысление опыта построения либерального общества в пользу признания социальной пассионарности основных групп российского населения. Состояние социокультурного фона в современной России не создает непреодолимые преграды на пути модернизации. В большей степени барьером является эгоистический индивидуализм. Новый коллективизм совместим с формулой ответственного индивидуализма, если не с примирением, то со сближением позиций традиционалистских и самодостаточных россиян. При этом, как показывают опросы общественного мнения, в целом россияне не отказываются от модернизационной системы ценностей, и как раз крайняя индивидуализация мешает создать модернизационную среду за пределами своего локального «кокона» [9, с. 91]. Иными словами, анархистские интенции становятся неприемлемыми в силу индивидуализма, ограниченности социальной ресурсности, и в этих условиях, если говорить о высокой планке жизненных притязаний, которая имеется у

российских «новых» горожан, пересмотр позиций в пользу коллективизма расширяет горизонты возможностей.

Таким образом, ценностные системы россиян ориентированы на личностные цели: на благополучие в семье, наличие хороших друзей, удовлетворенность своим материальным состоянием. Однако не кажется случайным, что оценка различных аспектов жизни зависит от того, ощущает ли себя человек одиноким или включен в систему отношений с другими людьми.

Как видно из результатов приведенных выше социологических исследований, новый коллективизм находится в стадии становления. В нем уживаются и стремления к самовыражению и самоинициативности, и уважение к традиции. С новым коллективизмом можно связать степень модернизированности сознания россиян, возможности роста численности активных слоев населения.

Отметим, что установки в отношении собственной жизни постепенно сближаются с желаемым вектором развития страны в целом. Социальная справедливость объединяет взгляды всех россиян [9, с. 134], но превращается из абстрактной в конкретно практическую, если сопрягается не только с отношением к самому себе, но и осознается актуализированной независимо от возраста, материального положения, национальности личности. Социальная справедливость достигается, по мнению россиян активного типа, через обеспечение прав человека, демократию, свободу самовыражения личности [9, с. 137], что вполне совмещается с обращением к традиционным ценностям, если принять формулы общей судьбы, того, что нельзя построить счастье в одиночку, если общество находится в атомизированном состоянии. Речь, следовательно, идет о том, чтобы не только избавиться от крайнего индивидуализма, но и поддержать систему ценностей, ориентированных на достижение паритета между личностью и обществом, на то, что на основе общих ценностей возникает социальное доверие, которое имеет конкретное измерение в развитии российского общества.

Литература

1. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы // Россия реформирующаяся. Вып. 11. М., 2012.

2. Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культура, идентичность и национальная безопасность России. Ростов н/Д., 2015.

References

1. Tikhonova N.E. Sotsiokul'turnaya modernizatsiya v Rossii: dinamika i perspektivy // Rossiya reformiruyushchayasya. Vyp. 11. M., 2012.

2. Goloborod'ko A.Yu., Lubskiy A.V., Serikov A.V. Kul'tura, identichnost' i natsional'naya bezopasnost' Rossii. Rostov n/D., 2015.

3. Кумыков А.М., Сериков А.В. Историческая память как фактор постсоветской реинтеграции России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4 (76).

4. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 1. М., 2016.

5. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. М., 2015.

6. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая. М., 2016.

7. Frolova A.S., Lubsky A.V., Posukhova O.Y., Serikov A.V., Volkov Y.G. Ideological grounds for settlement of inter-ethnic relations in modern Russia: competition of ideas and ideology of humanism // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6, № 4. С. 58–63.

8. Общая социология. М., 2006.

9. Российское общество и вызовы времени. Книга первая. М., 2015.

10. Базовые ценности россиян. М., 2003.

11. Kirik V.A., Popov A.V., Posukhova O.Y., Serikov A.V., Shevchenko O.M. Conceptual and methodological research of xenophobia in social sciences // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6, № 4. С. 183–189.

12. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2016.

13. Культурология в вопросах и ответах. М., 1999.

14. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д, 2016.

3. Kumykov A.M., Serikov A.V. Istoricheskaya pamyat' kak faktor postsovetsoy reintegratsii Rossii // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2013. № 4 (76).

4. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est'. T. 1. M., 2016.

5. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya. M., 2015.

6. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaya. M., 2016.

7. Frolova A.S., Lubsky A.V., Posukhova O.Y., Serikov A.V., Volkov Y.G. Ideological grounds for settlement of inter-ethnic relations in modern Russia: competition of ideas and ideology of humanism // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6, № 4. S. 58-63.

8. Obshchaya sotsiologiya. M., 2006.

9. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya. M., 2015.

10. Bazovye tsennosti rossiyan. M., 2003.

11. Kirik V.A., Popov A.V., Posukhova O.Y., Serikov A.V., Shevchenko O.M. Conceptual and methodological research of xenophobia in social sciences // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6, № 4. S. 183-189.

12. Konstruirovaniye obshcherossiyskoy identichnosti v kontekste mezhetnicheskogo i mezhrefigioznogo vzaimodeystviya / otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D., 2016.

13. Kul'turologiya v voprosakh i otvetakh. M., 1999.

14. Mental'nye programmy i modeli sotsial'nogo povedeniya v rossiyskom obshchestve / otv. red. A.V. Lubskiy. Rostov n/D, 2016.

Поступила в редакцию

3 апреля 2017 г.